

СУДЬБА ОДНОГО ГАЛИЦКО-РУССКАГО УЧЕНАГО *).

(Къ біографіи Івана Николаевича Вацлєвича).

Въ виду совершающихся въ Галиціи событій и безвозбранно тамъ и у насъ разширяющихся новыхъ польскихъ затѣй, не безъ интересны и въ нѣкоторой степени поучительны могутъ быть воспоминанія объ одномъ, не такъ давно сошедшемъ въ могилу, галицко-русскомъ ученомъ, который сталъ жертвою тѣхъ-же польскихъ затѣй и заплатилъ жизнію за свое печальное увлеченіе польскою шуткою и справою, за свой самообманъ и наивное довѣріе къ польской лести и чести (honorowi).

Такою жертвою былъ мало кому извѣстный на Руси Иванъ Николаевичъ Вацлєвичъ. Родился онъ 2 сентября 1811 г. въ с. Горній Мсень, стрыйскаго уѣзда, лежащемъ въ Карпатскомъ погорьѣ, на р. Ломницѣ, въ Галиціи, гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ. Иванъ былъ старшимъ сыномъ въ семьѣ. Средній, Николай, послѣ окончанія университета, былъ чиновникомъ судебного вѣдомства, младшій-же, Михаилъ, до сихъ поръ священствуетъ въ с. Розѣвѣ стрыйскаго уѣзда. У нихъ была еще одна сестра, о которой я ничего не знаю. Въ Галиціи нѣтъ особыхъ сословныхъ училищъ (духовныхъ); кандидаты священства проходятъ курсъ богословскихъ наукъ на богословскомъ факультетѣ университета, а на этотъ факультетъ поступаютъ молодые люди, кончившіе предварительно

*) Вскорѣ, въ отдѣльной статьѣ, мы надѣемся предложить читателямъ «Кіев. Старины» еще нѣсколько воспоминаній объ И. Н. Вацлєвичѣ, по поводу яко-бы найденныхъ имъ въ карпатскихъ пещерахъ *ручическихъ надписей*, которыя около подуготовленія издавъ сильно волновали русскій и вообще славянскій ученый міръ и несмотря на послѣдовавшія разъясненія были вновь публикованы покойнымъ Подлиннымъ въ его «Древнемъ періодѣ русской исторіи, изд. въ 1871 г.—Я. Г.

четыре приготовительныхъ (нормальныхъ или нѣмецкихъ) класса, 6-ти классную классическую гимназію и два курса философскаго факультета. Духовною русскою семинарією во Львовѣ называется конвиктъ студентовъ богословскаго факультета, которые до поступленія сюда должны воспитываться на свой счетъ. Нѣмецкіе (нормальные) классы находились во всякомъ уѣздномъ городѣ и даже въ большихъ мѣстечкахъ, но русскіе священники не охотно отдавали своихъ сыновей подъ начальство католиковъ директоровъ, нѣмцевъ или оиѣмченнхъ поляковъ, а предпочитали отдавать дѣтей въ учебныя заведенія базилиановъ, кому только было возможно. Греко-уніатскіе монахи, такъ называемые базилианы, издавна занимались обученіемъ и воспитаніемъ молодежи, содержали школы и конvikты, въ которыхъ воспитывались даже сыновья помѣщиковъ и богатой шляхты. Австрійцы уничтожили много такихъ монастырскихъ школъ, остальные были подчинены общему школьному регуляменту съ введеніемъ нѣмецкаго преподавательнаго языка; не смотря на то базилианскія школы не потеряли своей прежней популярности. Базилианы содержали на свой счетъ нормальныя (нѣмецкія) школы и шести-классную гимназію въ г. Бучачѣ, на р. Стрычѣ, въ австрійской Подоліи.

Отецъ Вагилевича отдалъ своего сына Ивана въ бучачскую 4-хъ классную нормальную школу. Только въ приготовительномъ и въ первомъ классахъ учили на польскомъ языкѣ чтенію, закону Божию и ариметикѣ, хотя совмѣстно съ нѣмецкимъ. Въ 3-мъ и 4-мъ классахъ все преподаваніе шло по нѣмецки. До 1848 г. русскій (большею частью природный ученикамъ) языкъ былъ совсѣмъ исключенъ изъ всѣхъ публичныхъ школъ въ Галичинѣ. Для удобнѣйшаго усвоенія совсѣмъ чуждаго для поступающихъ дѣтей нѣмецкаго языка принимаемы были строгія мѣры. Всѣ преподаватели и наставники говорили исключительно по нѣмецки, а для учениковъ заведенъ былъ „*Sprachzeichen*“. Чуть кто изъ нихъ въ школу, дома или на улицѣ заговорилъ по польски или по русски, тому давали этотъ *Sprachzeichen* и онъ долженъ былъ вписать свою фамилію въ тетрадку. У кого находился *Sprachzeichen*, хотя-бы въ продолженіи 5 минутъ, тотъ обязанъ былъ заучить наизусть 10 нѣмецкихъ словъ изъ лексикона; а кто продержалъ его во время обѣда, долженъ былъ вызубрить 20 словъ; продержавшій-же всю ночь—30 словъ

и т. д. Кромѣ того получалъ еще 5 розокъ. Понятно, какъ старался получившій этотъ знакъ (доску) скорѣе сбыть съ себя эту обузу, бѣгая по городу, чтобы найти неосторожнаго ученика, который-бы отозвался, хоть однимъ не нѣмецкимъ словомъ. При этомъ надо замѣтить, что получившій *Sprachzeichen* могъ безнаказанно говорить по польски. Въ такомъ заведеніи, въ Бучачѣ, семействій Вагилевичъ началъ развивать на нѣмецкой грамматикѣ свои умственные способности. Послѣ успѣшнаго окончанія четырехклассной нѣмецкой школы, отецъ повезъ своего сына въ шестиклассную гимназію, находившуюся въ уѣздномъ городѣ Станиславовѣ, который отстоялъ отъ нихъ на половину ближе, чѣмъ Бучачъ. Талантъ молодого ученика развивался быстро. Иванъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ классѣ. Вообще деревенскіе ученики отличались необыкновенными способностями и префекты (директора) гимназій отзывались о новичкахъ такъ: „Bei mir sind die Popensöhne immer die besten Köpfe“. Они превосходили памятью, быстротою соображенія сыновей нѣмецкихъ чиновниковъ, не смотря на то, что эти послѣдніе выносили изъ дому знаніе нѣмецкаго языка и лучшую подготовку. Въ то время гимназіи посѣщасмы были почти исключительно сыновьями чиновниковъ, которыхъ ожидали мѣста на государственной службѣ, и дѣтьми русскихъ священниковъ, которые должны были до поступления въ духовную семинарію кончить гимназію. Священники (за рѣдкими исключеніями) не посылали своихъ сыновей на лекціи юридическаго или медицинскаго факультетовъ, такъ какъ для нихъ было слишкомъ дорого содержать дѣтей на свой счетъ въ университетскомъ городѣ, два года на философическомъ и 4 года на юридическомъ факультетахъ. А если кто-нибудь по окончаніи курса поступалъ на службу въ какое-нибудь вѣдомство, то начальники-нѣмцы не давали ему ходу, замѣщая всѣ мѣста пришлыми нѣмцами. Медицинскаго факультета во Львовѣ не было, а посылать сына въ Вѣну для священника было невысказано. Помѣщики держали гувернеровъ для своихъ дѣтей. Ихъ приказчики довольствовались нормальными классами и поступали въ писцы при рынокурняхъ и мапдаторіяхъ¹⁾, въ родѣ станovýchъ, вообще при барскихъ дворахъ.

¹⁾ Мандаторъ, mandatorius, что-то въ родѣ пристава или волостнаго судьи, содержимаго на жалованьи помѣщика.

чтобы изъ паничей скорѣе выкарабкаться въ подпапки, арендаторы, или просто въ паны. Мѣщане и крестьяне рѣдко отдавали своихъ сыновей въ гимназіи, а подучивъ немного грамотѣ, отдавали въ ремесло или въ услугу панамъ.

Въ Стапиславовѣ, кромѣ классическихъ и другихъ школьныхъ книгъ, молодой Вагилевичъ пріобрѣлъ вкусъ къ чтенію книгъ и частнымъ образомъ познакомился съ лучшими произведеніями нѣмецкой и польской литературъ и на столько, что, поступивши въ университетъ, онъ, при своей счастливой памяти и усидчивости, былъ достаточно развитъ.

Въ 1830 году Вагилевичъ, представивъ хороніе аттестаты, былъ принятъ въ львовскую духовную семинарію на полное казенное содержаніе, на философскіе университетскіе курсы, хотя желающіе поступить на богословскіе курсы, кандидаты, должны были обыкновенно кончить философскій факультетъ по своему содержанію, довольствуясь только духовной стипендіей въ 80 гульден. въ годъ. Развившаяся страсть къ чтенію отвлекала молодаго кандидата отъ школьной науки, дала его уму особое направленіе, привязавъ его мысли къ ближе стоящимъ народнымъ дѣламъ, къ исторіи, къ языковѣдѣнію, къ этнографіи и къ археологіи славянскихъ народовъ, потому Вагилевичъ на первомъ экзаменѣ по математикѣ провалился и долженъ былъ выйти изъ корпуса семинаріи и въ слѣдующихъ годахъ слушать лекціи на свой счетъ. Въ 1830 и 1831 г. во время польскаго возстанія броженіе польской агитаціи не могло не имѣть вліянія на Вагилевича. Кромѣ чтенія научныхъ книгъ, которыя ему доставляли библиотеки университетская и Оссолинскихъ, поляки снабжали учащуюся молодежь множествомъ книгъ и брошюръ заграничной печати политическаго содержанія, которыя волновали молодую душу, располагали къ разнымъ мечтательнымъ комбинаціямъ и отвлекали отъ школьныхъ занятій. Въ такомъ душевномъ тревоженіи на счетъ невѣрной будущности, большая часть студентовъ посѣщали первый семестръ, но, не выдержавъ экзамена, оставляли весной коллегіи для того, чтобъ осенью опять записаться на лекціи. Кромѣ того этнографическія и археологическія экскурсіи препятствовали въ свою очередь Вагилевичу серьезно заниматься лекціями, оттого и вышло, что Вагилевичъ, послѣ многократнаго прекращенія курсовъ, только въ 1837 г. кончилъ философскіе курсы

и поступилъ въ духовную семинарію на богословскіе курсы въ львовскомъ университетѣ, которые онъ кончилъ въ 1840 году.

Во время броженія 1833 и 1834 г. молодые люди—студенты университета вздумали составить кружокъ, который-бы имѣлъ цѣлью возрожденіе галицко-русской словесности ¹⁾. Иванъ Вагилевичъ (назвавшійся славянскимъ именемъ Далиборъ) принималъ дѣятельное участіе въ этомъ кружкѣ, писалъ статьи на галицко-русскомъ нарѣчїи, которыя были напечатаны въ Русалкѣ Днѣстровой, въ Будинѣ, 1837 г., и въ то-же время вошелъ въ переписку съ Погодинымъ и другими учеными, за что и былъ въ подозрѣніи у львовской полиціи. Когда польскіе эмигранты и разбитыя революціонныя войска перебрались изъ-за Вислы въ Галицію и составили политическія общества и заговоры, мѣстная полиція начала слѣдить за всѣми броженіями въ краѣ. Во всѣхъ сословіяхъ находились платные и бесплатные шпионы и доносчики. Всѣ тюрьмы были переполнены арестованными поляками. Полиціймейстеръ ²⁾ имѣлъ даже между студентами своихъ агентовъ. Еще усердїе въ этомъ отношеніи былъ главнокомандующій Лянгенау ³⁾, надобѣдливѣй своимъ нахальствомъ даже нѣмцамъ, которые, при переводѣ его въ Старию, съ злорадствомъ сочинили сатирической стишекъ про него:

*Ei, schau, schau,
Langenau,
Wohin geht's?
Nach Grätz.
Traurige Stadt;
Keine Wachtparad,
Keine spionerie,
Adieu Lumpenparthie!*

Въ то время считали преступленіемъ заниматься славянской литературой и читать славянскія книги. Литературная дѣятельность

¹⁾ Гербель Н. Поезія славянъ 1871 г., стр. 198. См. статью «Червоно-русская литература.

²⁾ Захеръ-Мазохъ, отецъ извѣстнаго нѣмецкаго писателя, праздновавшато недавно свой 25-лѣтній юбилей.

³⁾ Генералъ Лянгенау былъ послѣ австрійскимъ посланникомъ при русскіемъ дворѣ въ С.-Петербургѣ.

Вагилевича и его друзей была въ глазахъ полиціи преступной, по крайней мѣрѣ она показалаcя полиціи неудобной. Полиціймейстеръ Пайманъ прямо заявилъ: Wir haben mit einer Nationalität (т. е. съ польскою) voll auf zu schaffen und diese Tollköpfe wollen noch die todsbegrabene ruthenische Nationalität aufwecken. Не вашедни причины придраться къ личностямъ студентовъ, полиція хваталась за нихъ послѣ окончанія студій, когда кандидаты намѣрены были поступать на должность. По австрійскимъ законамъ, правительство, до посвященія кандидатовъ въ духовное званіе, обезпечиваетъ каждому изъ нихъ *titulum mensae*, т. е. содержаніе до смерти, но предварительно развѣдываетъ все его прежнее поведеніе и тщательно испытываетъ политическую благонадежность. Полиція нашла случай заявить свое подозрѣніе въ неблагонадежности Вагилевича и правительство, по официальному выраженію, отказало дать ему *titulum mensae* ¹⁾, т. е. не дозволило іерархіи принять его въ духовный санъ и посвятить въ священники.

Бывшій тогда ректоромъ семинаріи и профессоромъ Венидиктъ Левицкій, вице-ректоръ Іоаннъ Витопинскій, а послѣ ректоръ и номинатъ-епископъ Григорій Яхимовичъ, префектъ Михаилъ Малиновскій ²⁾ и др. относились весьма благосклонно къ Вагилевичу, когда онъ былъ въ семинаріи, признавали его знанія и поощряли его въ полезныхъ трудахъ. Онъ получилъ особую комнату, въ которой могъ свободно заниматься во всякое время, никѣмъ нестѣняемый, такъ какъ въ общемъ залѣ весь день въ неурочное время помѣщается 50 — 80 человекъ и семинаристы, сидя на общей скамьѣ съ другими, имѣетъ передъ собой не болѣе аршина ширины пульта, на которомъ долженъ читать, писать, вообще заниматься определенное время, отъ одного до двухъ часовъ, и хотя колокольчикъ призываетъ всѣхъ соблюдать во время занятій

¹⁾ Къ этому событію относятся слова Зубрицкаго, въ письмѣ 1842 года: В. п. Г. (т. е. Вагилевичъ и Головацкій) «подозрительны правительству». Ся. П. Попова «Письма къ М. П. Погодину», М. 1879, стр. 563.

²⁾ Еще жительствующій первый прелатъ (архипресвитеръ) носящій епископскую митру Мих. Малиновскій, въ прошломъ году отставленъ отъ должности по настоянію іезуитствующей польской партіи.

тишину — *silentium*, но здѣсь неудобно было заниматься, ибо по окончаніи *silentium* всякій могъ по произволу говорить громко, пѣть, играть на инструментахъ и производить шумъ. По этому-го отведенная Вагилевичу отдѣльная комната была большимъ для него благодѣяніемъ.

Вышедши изъ семинаріи и изъ-подъ непосредственнаго вліяніи своихъ руководителей, Вагилевичъ, не заботясь о *titulum mensae*, намѣревался продолжать частнымъ образомъ свои литературныя занятія, копчаты задуманныя сочиненія и осуществлять свои планы и проекты. Имя Вагилевича уже было извѣстно въ Прагѣ, въ Москвѣ и въ Варшавѣ, а русскіе возлагали на него большія надежды. Польскіе львовскіе литераторы приняли его въ свои избранныя кружки. Вагилевичъ былъ весьма полезнымъ Бѣлевскому и другимъ литераторамъ польскимъ, будучи для нихъ живою энциклопедіею. На литературныхъ вечерахъ онъ былъ въ состояніи рассказать обо всемъ, касающемся Польши, даже передать со всею точностью и подробностью факты и высчитать всю генеалогію знатнѣйшихъ родовъ Польши. Поляки нашли полезнымъ такую личность, льстили ему въ глаза, уговаривали его писать по польски и лучше работать для широкаго круга польской литературы, чѣмъ для мѣстнаго русскаго народа, письменность котораго не имѣетъ будто-бы никакой будущности. Они говорили ему: „вѣдь ты все таки будешь трудиться для славянской литературы и для славянскаго дѣла“. Друзья его и товарищи по университету, члены русскаго кружка, разбрелись по разнымъ странамъ Галиціи. Зубрицкій и его друзья чехи, Владиславъ Запъ, Православъ Коубекъ и другіе, не могли имѣть на него вліянія, и Вагилевичъ мало по малу очутился въ исключительно-польской сферѣ, сталъ интимнымъ другомъ Бѣлевскихъ, Борковскихъ, Сѣменовскихъ, Магнушевскихъ и другихъ мнимыхъ львовскихъ знаменитостей, или, говоря словами Зубрицкаго (въ письмѣ отъ 4 января 1843 г.), „*Вагилевичъ лягшился совсѣмъ и, шатаясь между ялами, питался фантастическими мечтами*“. Графъ Осипъ Борковскій, одинъ изъ передовыхъ львовскихъ литераторовъ того времени, взялъ Вагилевича къ себѣ въ компаньоны, далъ ему у себя квартиру, столъ, прислугу и все содержаніе, приказалъ спать ему модное франтовское платье, разрѣшилъ говорить себѣ на ты, водилъ его въ театры, на балы, на литературныя вечера,

въ аристократическія общества, рекомендоваль его ученымъ, мѣстнымъ и пріѣзжимъ, какъ своего друга и человѣка необыкновенныхъ талантовъ. Вся эта обстановка льстила честолюбію Вагилевича; при немъ удивлялись его знаніямъ и высокимъ идеямъ, а за глаза, конечно, смѣялись и издѣвались надъ неопытнымъ и небывалымъ провинціаломъ. Борковскій своимъ обхожденіемъ сбилъ Вагилевича совѣмъ съ толку, вскружилъ ему голову, увѣрилъ застѣнчиваго семинариста, наговоривъ ему всякой всячины, что онъ гениальный человѣкъ, свѣтило изъ свѣтилъ, а въ добавокъ красавецъ изъ красавцевъ, въ котораго влюблены всѣ аристократки. Борковскій на строилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ мужчинъ и дамъ, такъ что онъ ни отъ кого не слыхалъ слова правды. Во всѣхъ обществахъ имъ забавлялись, какъ шуткомъ или блазномъ. Будучи во Львовѣ, я сдѣлалъ выговоръ Бѣлевскому за то, что онъ допускаеть Борковскаго играть человѣкомъ, какъ куклой, и настаивалъ на томъ, чтобы онъ вразумилъ Вагилевича. „Что-жь?—отвѣчалъ Бѣлевскій, когда Вагилевичъ самъ охотно разыгрываетъ такую роль. Впрочемъ, это ему не вредить, а Борковскому доставляетъ большое удовольствіе“.

Напрасно старались мы, его старые друзья, разубѣдить его и увѣрить, что все это обманъ и издѣваніе надъ его неопытностью и наивностью, Борковскій овладѣлъ его душой до такой степени, что однимъ словомъ разсѣялъ всѣ сомнѣнія Вагилевича. На наши увѣщанія онъ отвѣчалъ: „вы понятія не имѣете о томъ, что дѣлается въ аристократическомъ мірѣ. Вы воспитаны въ кругахъ буржуазіи или простонародья“... И нельзя было его ничѣмъ разубѣдить. Измаилъ Ивановичъ Срезневскій во время своихъ путешествій 1839 и 1840 г., оставившись во Львовѣ, былъ свидѣтелемъ разныхъ недѣльныхъ разсказовъ и анекдотовъ о Вагилевичѣ, которые въ то время ходили по всему городу.

Для вѣрнѣйшей характеристики этихъ отношеній и того, какъ безсовѣстно поступалъ Борковскій съ Вагилевичемъ, я долженъ привести нѣкоторые, хотя весьма скандальные факты. Прихотливый польскій аристократъ и холостой баловень великаго свѣта, графъ Борковскій—растлил и развратилъ невинную душу молодого человѣка, далъ ему вкусить заманчивыхъ сластей порока, отравилъ его простой наивный нравъ, взбилъ его высокомеріе на неимоверную высоту, свелъ его воображеніе на грязную бездождь—однимъ

словомъ убилъ морально-непорочнаго труженика науки и сдѣлалъ его игрушкой своихъ барскихъ прихотей.

Борковскій началъ съ того, что возбудилъ у Вагилевича тщеславіе; онъ превозносилъ, будто-бы, красоту его ярко-свѣтящихся черныхъ глазъ, его чудесно-красивые черные волосы. Во всѣхъ обществахъ, конечно по уговору съ Борковскимъ, всѣ дамы подтвердили это, съ тысячею разныхъ лестныхъ прибавленій. Вагилевичъ сталъ вѣрить тому, что онъ не въ шутку красавецъ и можетъ быть львовскимъ донъ-жуаномъ; онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ предъ зеркаломъ, дѣлалъ разныя затѣйливыя прически и любовался своими черными глазами. Борковскій, конечно, шутилъ надъ этимъ себялюбіемъ своего кліента и подсыщалъ его страсти. Въ дружескихъ разговорахъ вывѣдавъ, какой у него идеалъ красоты, Борковскій построилъ Вагилевича, чтобы онъ писалъ стихи, подавая ему темы и мотивы. Вагилевичъ писалъ мечтательные стишонки и декламировалъ свои произведенія ¹⁾. Всѣ дамы были, будто-бы, въ восторгѣ, весь польскій ученый кружокъ не находилъ довольно похвалъ, и по внушенію Борковского превозносилъ Вагилевича, сравнивалъ его съ Петраркой, Байрономъ, Мицкевичемъ и конечно ставилъ его выше всѣхъ. Идеалъ женской красоты у Вагилевича была блондинка съ голубыми глазами... и Борковскій убѣдилъ его, что онъ долженъ прискать себѣ предметъ любви, подобно всѣмъ великимъ поэтамъ. Борковскій перебралъ всѣ благозвучныя женскія имена, и Вагилевичу всего лучше поправилось имя *Юлія*—блондинка съ голубыми глазами. Все общество стало увѣрять Вагилевича, что у него есть поэтическое, ясновидящее предчувствіе, магнетизмъ сердца, бессознательное влеченіе къ особѣ незнакомой, которая съ такимъ-же симпатичнымъ настроеніемъ страстно любитъ его и мечтаетъ объ немъ. Нѣсколько времени спустя Борковскій сообщилъ Вагилевичу тайну: есть Юлія—блондинка съ голубыми глазами, изъ высоко аристократическаго дома, которая на смерть влюблена въ черныя глаза и черныя кудри Вагилевича. Она томится, страдаетъ безнадежно, и проч. и проч. Кто-то тамъ, какая-то бабушка сказала тетупкѣ такого-то графа, а графъ такому-то и на-

¹⁾ Нѣсколько стиховъ Борковскій далъ напечатать въ язд. въ Львовѣ журналѣ «*Dziennik pióó*».

конецъ подъ секретомъ сообщили Борковскому. Сблизиться съ ней нельзя—ся обстановка и особенно злая мачиха никакъ того не допускають. Вагилевичъ опять писалъ сонеты, которые Борковскій нашель возможность сообщать чрезъ тетушекъ, бабушекъ и пр. самой Юліи: завязался интересный фантастическій романъ мечтательнаго любовника съ небывалой любовницей. Весь кружокъ Борковского, особенно дамы принялы съ сочувствіемъ затѣянную интригу. Пошла длинная переписка. Вагилевичъ получалъ чрезъ сострадательныхъ тетушекъ любовныя письма отъ Юліи, и посылалъ такимъ-же путемъ свои страстные отвѣты стихами и прозой. Накопецъ мечтатель началъ сомнѣваться и пожелалъ видѣть предметъ своей любви, и Борковскій устроилъ дѣло такъ, что въ уреченный часъ на *американтской миль* (панской мессѣ), въ езуитскомъ костелѣ, въ такой-то скамьѣ, будетъ мнимая Юлія съ тетушкой и завистливой мачихой. Вагилевичъ пошелъ въ езуитскій костелъ и изъ-за угла осторожно заглядывалъ, чтобы незамѣтно встрѣтиться съ голубыми глазами мвнимою Юліи. Перипетіи такой встрѣчи длились долгое время; мои друзья сообщали мнѣ разныя разности, неимовѣрныя басни.

Борковскій былъ неистощимъ въ фантастическихъ выдумкахъ. Однажды онъ сообщилъ Вагилевичу подъ секретомъ, будто-бы Юлію вывезли за городъ въ с. Кривчичи, на дачу, и она желаетъ повидаваться съ своимъ милымъ. По наущенію Борковского Вагилевичъ ходилъ за шесть верстъ въ Кривчичи, поджидалъ въ саду, наконецъ рѣшился зайти въ самую дачу и спросилъ: *Gdzie tu jest ta Julia, co ja ją Kocham nad życie?* Предупрежденные дачники насмѣялись вдоволь надъ полусумасшедшимъ и отправили его ни съ чѣмъ назадъ. Борковскій увѣрялъ, что злая мачиха разстроила все.

Подобныя исторіи повторялись постоянно. Влюбленная Юлія будто пожелала обмѣняться кольцами съ Вагилевичемъ. Средствомъ разныхъ тетушекъ, бабушекъ, вѣрныхъ горничныхъ, лакеевъ и пр. Борковскій будто-бы успѣлъ передать кольцо отъ Вагилевича, и Юлія будто-бы передала Вагилевичу свое кольцо съ своею цифрою и разными эмблемами. Ему вскружили до того голову, что всякій могъ придумать какой угодно вздоръ, и Вагилевичъ вѣрилъ всему. Пустилы въ ходъ разные проэкты—бѣжать обоимъ влюбленнымъ за границу—во Францію, Швейцарію, Англію, Америку. Юлія будто-бы соглашалась на все. И Вагилевичъ мечталъ о ка-

кой-то райской жизни въ дальнихъ странахъ съ предметомъ своей страстной любви, и изливалъ свои мечты въ письмахъ къ Юліи и получалъ (будто-бы) отъ нея такія-же любовныя письма; но зоркій глазъ маички разстроилъ, будто-бы, всё планы:—Юлію невозможно было увезти, и т. д.

Любострастная фантазія холостяка Борковскаго придумала еще одну скверную шутку, которая дала новый матеріаль къ фантастическимъ баснямъ. Борковскій обѣщалъ устроить для мнимо-обрученныхъ и въ фантазіи повѣнчанныхъ Далибора и Юліи брачную ночь (!), увѣряя, что такія исторіи случаются въ аристократическихъ кругахъ. Вагилевичъ повѣрилъ, что Юлія согласилась изъ-за него сдѣлать этотъ шагъ. Въ одну прекрасную ночь на масляницѣ заѣхала замаскированная дама въ квартиру графа. Борковскій молча отвелъ ей комнату, гдѣ было приготовлено брачное ложе. Мнимая Юлія, раздѣвшись, потушила свѣчу; на звонъ колокольчика Борковскій впустилъ Вагилевича въ одномъ бѣльѣ въ совершенно темную комнату, сказавъ ему, въ которомъ углу лежать Юлія, и взявъ съ него обѣщаніе *подъ ионоремъ*, что онъ не заговоритъ съ ней ни одного слова... Въ ту-же ночь въ онредѣленный часъ уѣхала безмолвная маска, которую Вагилевичъ больше не видалъ.

Переписка не прекращалась: послѣ пѣкотораго времени Юлія сообщала о своемъ состояніи, что она почувствовала плодъ ихъ любви, а послѣ 9-ти мѣсяцевъ—что она родила сына, здороваго, красиваго ребенка, точь точь въ отца, съ яркими черными глазами и черными бровями. Всѣ знакомые поздравляли Вагилевича съ сыномъ, и пр., и пр. Съ тѣхъ поръ всѣ, не исключая и Бѣлевскаго, стали его называть: *ojcino Wagilewicz*.

Эти грязныя, нелѣпыя исторіи съ разными эпизодами тянулись нѣсколько годовъ и забавляли извѣстные кружки. Абсурды за абсурдами, одни сквернѣе другихъ. Борковскій превзошелъ себя въ выдумываніи глупыхъ и недостойныхъ порядочнаго человѣка небылицъ. Онъ приписалъ Вагилевичу еще особаго рода свойство—плодородность; будто-бы по увѣренію извѣстныхъ докторовъ, наблюдавшихъ его незаметно въ банѣ, онъ слыветъ во всемъ городѣ *незаводнымъ* мунциной для неплодныхъ женщинъ. Вслѣдствіе того къ Вагилевичу будто-бы и адресовались нѣкоторыя аристократки, сѣтовавшія о своей неплодности, что у нихъ нѣтъ прямыхъ на-

слѣдниковъ и пр., и пр. Тыфу, стыдно и писать о такихъ нелѣностяхъ!

А все таки главное въ томъ, что Борковскій обуялъ голову своего кліента до того, что онъ вѣрилъ всѣмъ этимъ нелѣностямъ и даже самъ любить рассказывать о нихъ.

Вотъ теперь вамъ ясно, какое значеніе имѣютъ слова Зубрицкаго, что Вагилевичъ *зляхилися совсѣмъ и шаталися между ляхами, питистися фантастическими мечтами.*

Гдѣ-же ему въ то время было думать о серьезныхъ литературныхъ трудахъ и занятіяхъ? Онъ резонировалъ въ салонахъ о всякихъ книгахъ, относясь ко всему съ высока, остальное-же время проходило въ пустой болтовнѣ о цѣлѣныхъ пошлостяхъ!

Наконецъ подошли Борковскому эти шутки и онъ оттолкнулъ отъ себя Вагилевича. Только тогда убѣдился этотъ послѣдній въ обманѣ и не могъ простить Борковскому, который, сильно заболѣвши, со слезами молилъ Вагилевича простить ему его шалости и подать руку въ знакъ прощенія, чтобъ онъ могъ спокойно умереть. — „Нѣтъ, не подамъ руки и не прощу ему, сказалъ Вагилевичъ; пусть Борковскій умираетъ и на тотъ свѣтъ возьметъ съ собой сознаніе, что Вагилевичъ твердый и упрямый русинъ.“

Наконецъ, въ 1845 году, вслѣдствіе хлопотъ и ходатайства русской консисторіи, мѣстное правительство согласилось дать Вагилевичу *titulum mensae*. Онъ женился на дочери священника въ Павловѣ, въ 1846 г. былъ рукоположенъ во священника и получилъ мѣсто завѣдывающаго приходомъ въ Нестаничахъ. Вагилевичъ очутился одинокимъ среди деревенской глуши золочевского полѣсья, конечно, въ слишкомъ тѣсной сферѣ для мечтательнаго дѣятеля съ такими высокопарными претензіями и съ такой научной подготовкой. Прошелъ 1846 годъ, годъ мазурской рѣзни ляховъ въ западной Галиціи, прошелъ и слѣдующій, полный внутренняго броженія годъ, и вдругъ весною 1848 г. была провозглашена конституція—полная амнистія, свобода, равноправность и братство всѣхъ народовъ Австріи. Поляки завязали *польскую раду* (комитетъ), посылались въ Вѣну петиціи, организовалась гвардія народовая во Львовѣ и въ другихъ городахъ. Польша овладѣла всѣмъ, потребовала господства польскаго языка и народности вездѣ, въ школахъ и въ администраціи, а о русскомъ языкѣ и народности въ пети-

ціяхъ не упоминалось ни слова. При всеобщемъ политическомъ и національномъ движеніи не могла молчать и галицкая Русь. Переводные русины основали *русскую раду* во Львовѣ, начали издавать газету *Галицкую Зарю*, послали петицію къ императору, требуя *равноправности* для русскаго языка на равнѣ съ польскимъ и тѣхъ-же правъ для себя. Прошеніе русскихъ было принято вѣнскими властями благосклонно. Воззваніе русской рады къ народу нашло въ народѣ горячее и искреннее сучувствіе. Въ большихъ городахъ учреждались филиальныя рады. Голосъ народа заглушилъ скопища шляхты. Чтобы парализовать русское движеніе, львовскіе матадоры открыли польско-русскую раду или политическій комитетъ подъ названіемъ *русскій соборъ*. Князья Сапѣги, Сапгушки, Чарторыйскіе, графы Дѣдушицкіе, Голеевскіе, Дрогоевскіе и другіе, признавши себя русинами¹⁾, пожертвовали суммами на основаніе польско-русскаго „Дневника“; остановка была только въ томъ, гдѣ найти редактора. Тутъ прежніе друзья вспомнили давно забытаго Вагилевича, обѣщали ему содержаніе 1200 гульденовъ и обезпечили его пожизненною пенсіей въ 600 гульденовъ въ случаѣ закрытія газеты. Вагилевичъ возразилъ на это: „согласится-ли консисторія, начальство?“—„Наплевать на консисторію, пустяки начальство“, отвѣчали ему; „Австрія распадается. Польша воскреснетъ и тогда мы будемъ всеѣмъ распоряжаться, а не русская консисторія“. Вагилевичъ согласился, оставилъ свою церковь и приходъ и, не извѣстивъ даже благочиннаго, переѣхалъ во Львовъ и принялъ редакцію *Русскаго Дневника*, который издавался кириллицей, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ другомъ экземплярѣ и польскимъ алфавитомъ. Но колесо событій вращалось быстро, реакція правительства взяла верхъ и 2-го ноября 1848 г. главнокомандующій Гаммерштейнъ бомбардировалъ Львовъ, сжегъ театръ, ратушу и нѣсколько домовъ, разогналъ польскую гвардію, закрылъ раду и все польскіе журналы и объявилъ осадное положеніе. Вмѣстѣ съ поляками разбѣжался и польско-русскій соборъ. Въ маѣ слѣдующаго 1849 г. русская армія вступила въ городъ и заняла всю Галицію. Вагилевичъ съ семействомъ оставленъ былъ своими соборовыми протекторами на про-

¹⁾ Изъ русскихъ приступила къ польско-русскому собору Юліанъ Лавровскій, Тустановскій, Ходыискій, Вѣнцковскій, Домбчинскій и другіе *переклички*.

изволь судьбы, безъ куска хлѣба. Объ обѣщаной пенсіи никто и не думалъ. Вагилевичъ совѣтовался у адвокатовъ, желая начать искъ; адвокаты, разсмотрѣвъ дѣло, заявили, что документъ составленъ хитро, но есть основаніе, по которому можно начать процессъ, хотя успѣхъ сомнителенъ. И Вагилевичъ принужденъ былъ питаться корректурой и перепиской статей,—заработками, которыми снабжалъ его Бѣлевскій при библіотекѣ Оссолинскихъ. Открылась вакансія русскаго переводчика при львовскомъ памѣстничествѣ. Вагилевичъ подвергся конкурсу. Конкурсные элабораты были предложены для оцѣнки профессору русскаго языка и литературы. Конкурсъ Вагилевича оказался рѣшительно лучше всѣхъ и по представленію профессора онъ получилъ это мѣсто. Между тѣмъ графъ Голуховскій прекратилъ изданіе законовъ въ русскомъ переводѣ, будто-бы излишнее, и Вагилевичъ опять потерялъ казенное жалованье. Только съ 1854 г., когда по внушенію Голуховскаго институтъ Оссолинскихъ приступилъ къ новому исправленному изданію польскаго словаря Самуила Линде и редакція ввѣрена была Бѣлевскому, этотъ послѣдній поручилъ весь трудъ по пополненію, исправленію и корректурѣ Вагилевичу за очень скудную плату¹⁾. И такъ вышелъ польскій словарь подъ редакціею А. Бѣлевскаго 1854—1861 г., а между тѣмъ это былъ усидчивый добросовѣстный трудъ Вагилевича. Вагилевичъ перевелъ на польскій языкъ лѣтопись Нестора и подъ его диктовку, такъ сказать, Бѣлевскій издалъ свои (?) коментаріи къ *Monumenta Poloniae*. И многія другія изданія украшались знапіями и критикой Вагилевича. Sic vos non vobis. Наконецъ и попечитель института Оссолинскихъ кн. Любомирскій обратилъ вниманіе на добросовѣстнаго труженика и опредѣлялъ его на вакансію кустоса при библіотекѣ Оссолинскихъ, а въ 1862 г. львовская городская дума призвала его къ описанію магистратскихъ актовъ за ничтожное вознагражденіе.

Въ 1850 г. Вагилевичъ, находясь въ безвыходномъ положеніи, пытался возвратиться назадъ къ духовному званію. На ходатайство

1) Самъ Бѣлевскій въ предисловіи своемъ къ I тому Словари Линде стр. 11 сознается, что Вагилевичъ *za bardzo miernem wynagrodzeniem część korrekt mozołnych na siebie przyjąwszy, wspiera nas oraz przez samo zamówienie przedmiotów rozległemi swemi filologicznemi wiadomościami.*

его бывшій тогда каноникъ Куземскій, впоследствии епископъ холмскій, заявилъ, что, не вмѣняя ему въ вину его политическаго мнѣнія и направленія его литературной дѣятельности, епархіальное начальство не можетъ безнаказанно оставить того поступка, что онъ, — пастырь церкви, не спросясь никого, оставилъ свою паству. Духовная власть должна убѣдиться, было-ли это съ его стороны временнымъ увлеченіемъ или-же пренебреженіемъ уставовъ церкви, имѣющимъ основаніемъ возноудумство или даже безвѣріе. Поэтому Вагилевичъ долженъ подвергнуться эпитиміи (реколлеkcіи), долженъ пребыть опредѣленный срокъ при соборной церкви, участвовать въ священнослуженіи подъ паблюденіемъ начальства. Если директоръ духовнаго исправительнаго дома (*dompus recollectionis*) засвидѣтельствуетъ о его искреннемъ раскаяніи, благонравіи и приверженности къ церковнымъ службамъ, то консисторія не прочь возстановить его прежнія права. Безъ этого испытанія консисторія въ виду гражданскихъ и церковныхъ законовъ не вправе его помиловать. На замѣчаніе Вагилевича, что онъ семейный и долженъ зарабатывать себѣ на пропитаніе, а потому не можетъ жить при соборѣ и участвовать во всѣхъ службахъ, — ему сдѣлано было снисхожденіе сокращеніемъ времени испытанія, съ тѣмъ, чтобы онъ въ удобное для него время являлся къ викарному священнику Михаилу Малиновскому на богословско-назидательный разговор (*colloquia*) и если Малиновскій засвидѣтельствуетъ о его благонадежности (въ чемъ нельзя было сомнѣваться), то онъ будетъ возстановленъ въ чинѣ и званіи.

Наступила минута перелома. Вагилевичъ готовъ былъ рѣшиться — и дѣло въ шляпѣ. Но, къ несчастію, по своей природной откровенности, онъ посоветовался съ своими польскими друзьями. „Нѣтъ, не довѣряйся, предостерегали его ляхи; это хитрая святоюрская ловушка: святоюрцы хотятъ сманить тебя и заключить подъ *сгоды* (буквально подъ лѣтницу), и будутъ держать тамъ 20 лѣтъ, какъ держатъ Лобковича¹⁾“. Бѣлевскій спросилъ меня однажды по дружески:

¹⁾ Николай Лобковичъ былъ бѣжавшій въ 40-хъ годахъ изъ Россіи уніатскій священникъ, который, по причинѣ ограниченнаго образованія и незнанія языковъ, не могъ быть употребленъ въ душъ-пастырствѣ и содержался на счетъ духовнаго фонда при соборной церкви. Квартиру ему опредѣлялъ въ нижнемъ этажѣ флягеля,

„Скажи мнѣ откровенно, мой другъ ¹⁾, что думаетъ сдѣлать консисторія съ Вагилевичемъ, если онъ поддастся имъ? Правда-ли, что они хотятъ его посадить подъ сходы и будутъ терзать до безконечности? Мнѣ жаль его, что онъ пропадаетъ, не имѣя никакихъ средствъ къ пропитанію“.

Я увѣрялъ Бѣлевскаго, что никто не питаетъ къ Вагилевичу никакой злобы, что всѣ жалѣютъ его. Здравый-же смыслъ говоритъ, что такого человѣка нужно поддерживать, и русская партія о томъ только и думаетъ, чтобы возвратить его себѣ, такъ какъ онъ можетъ имъ принести много пользы. Вагилевичъ писалъ грамматику; онъ можетъ писать учебныя книги и помогать скорѣйшему введенію русскаго языка въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ чемъ такъ нуждаются. Все, что говорятъ на счетъ метнтельности такъ называемыхъ святоюрцевъ, сущій вздоръ и пустяки. Вѣдь его считаютъ все таки русскимъ, хотя заблудшимся. Пусть только обратится назадъ—и все забудутъ. Я знаю навѣрно, что реколлеція будетъ одной формальностью. Должно-же начальство соблюдать законы. Ему (Вагилевичу) слѣдуетъ зайти два, три раза къ Малиновскому на колліюквію, и такъ, получивъ свидѣтельство благонадежности, онъ получитъ и приходъ. У помѣщиковъ-коллежаторовъ онъ легко можетъ получить презенты и черезъ содъ

въ помѣщеніяхъ исправительнаго дома (реколлежціи), построннаго на сѣверномъ откосѣ консисторскихъ зданій, къ которымъ съ юга нужно сходить по лѣстницѣ, и поэтому жить *подъ сходами* равнорявно значенію попасть въ исправительный домъ. Крімъ того Лобковичъ помѣшанъ былъ на томъ, что его въ Россію ожидаютъ большія почести и значительная пенсія, но ему не даютъ паспорта, однимъ словомъ Лобковичъ былъ безпомощный вдіотъ. Д. Зубрицкій (Шисъма къ М. П. Погодину стр. 574) подалъ объ этомъ человѣкѣ совсѣмъ другія свѣдѣнія. Но рассказъ его весьма сомнительный. У Лобковича не было ни жены, ни дѣтей, развѣ онъ оставилъ ихъ въ Россіи.

¹⁾ Знакомство мое съ Бѣлевскимъ началось еще тогда, когда я былъ студентомъ университета,—въ 30-хъ годахъ. Онъ настаивалъ, чтобы я ему не говорилъ *пань*, а просто *ты*, и самъ также бросился къ своимъ *молодымъ* друзьямъ, говоря: у насъ *Речь Посполитая*; въ нашемъ кружкѣ нѣтъ *пановъ*, а всѣ равны, всѣ братья-обыватели. Съ этого времени онъ всегда говорилъ намъ на *ты*, *шановни обывателю*, *браціе шляхтицу*, или: *муй козаны Станиславе*, *Казимиржу* и т. п.

или через два будетъ имѣть богатѣйшій приходъ, будетъ жить безбѣдно и заниматься своими литературными трудами“.

„Хорошо, отвѣтилъ Бѣлевскій, я ему расскажу все, что отъ тебя слыхалъ“.

Я думалъ, что все устроено, какъ нельзя лучше, для того, чтобы спасти Вагилевича отъ гибели. Не тутъ-то было. Бѣлевскій ничего не сказалъ Вагилевичу, а передалъ мой откровенный разговоръ синедріону польскихъ передовыхъ дѣятелей. Тамъ все запротестовали.

„Нѣтъ, говорятъ, русины хотятъ его къ себѣ приглубить и потомъ эксплуатировать его труды и знанія для *русской sprawy*. Тогда онъ для нашей sprawy пропасть и еще можетъ дѣйствовать въ непріятельскомъ лагерѣ противъ польской sprawy. Не допустимъ этого, не отдадимъ его ни за что“.

Адвокатъ Корецкій бывший редакторъ польскаго Дзешника (самъ когда-то русскій, сынъ священника) сказалъ такъ:

„Послушайте, шановные обыватели! они его все еще считаютъ русскимъ, который рано или поздно можетъ обратиться къ нимъ. А я имъ такую штуку подведу, что онъ никогда не явится въ лагерь святоюрцевъ. Я его уговорю принять лютеранское вѣроисповѣданіе. Помогите мнѣ, и онъ послушается“.

„Браво! браво! крикнуло въ одинъ голосъ все избранное общество: поможемъ, Вагилевичъ будетъ лютераниномъ. Что скажутъ на это святоюрцы? Они должны будутъ отречься отъ него, а онъ все таки останется у насъ и будетъ нашимъ“.

Черезъ недѣлю или двѣ читаю я въ пѣмецкой газетѣ *Neue Zeit*, издававшейся въ Бернѣ, въ Моравіи, и которую польская партія считала своимъ органомъ, почти мои собственные слова изъ разговора съ Бѣлевскимъ, конечно, извращенныя въ польскомъ смыслѣ, что святоюрцы хотятъ поймать въ свои сѣти лишешкаго прихода Вагилевича и отомстить ему за его политическое убѣжденіе. Желая избавиться отъ святоюрскихъ клерикаловъ, несчастный Вагилевичъ рѣшился, будто-бы, принять лютеранство. Любопытпо знать (такъ кончается статья), будутъ-ли святоюрцы еще считать Вагилевича-лютеранина русиномъ или нѣтъ?

Мы думали, что это пустая угроза. Но это не была только угроза. Вагилевича уговорили, повели къ лютеранскому пастору—

и онъ принялъ лютеранское вѣроисповѣданіе! Въ Галиціи лютеране всѣ почти нѣмцы, и Вагилевичъ, въ душѣ славянинъ, врагъ нѣмечества, присоединился къ нѣмцамъ! Впрочемъ, нѣмцы приняли его совершенно равнодушно и прямо заявили: „Но выснимъ побужніямъ мы должны его принять, но мы не сдѣлали никакого приобрѣтенія для себя. Это, просто, польская комедія, и больше ничего“!

Польская партія радовалась своему мнимому торжеству надъ святоюрцами, но Вагилевичъ болѣе всего пострадалъ отъ этого: навязанныя ему обязанности и работы отрывали его отъ главныхъ занятій. Онъ писалъ небольшія статьи въ журналахъ: въ *Варшавской Библіотекѣ*, въ *львовской—Осолоинскихъ*, въ *Дзенникъ Литерацкомъ*, въ *Денникъ*, въ *Родимомъ Кружкѣ* и пр., по главные его труды: *Малорусскій Словарь*, *Слово о Полку Юоря*, *Славянская демонологія* и другія историческія сочищенія остались въ проектахъ, неоконченными. Вагилевичъ своими талантами и собственнымъ трудомъ приобрѣтенными познаніями могъ быть весьма полезнымъ наукѣ и обществу, а между тѣмъ, брошенный поляками на жертву ихъ политическихъ затѣй и прихотей, онъ истощилъ свои силы въ *мозольныхъ* трудахъ корректуры, въ перенискѣ актовъ и другія черныя работы среди архивной пыли. Не смотря на свое крѣпкое тѣлосложеніе, онъ занемогъ сильной грудной болѣзнію, которая, послѣ продолжительныхъ страданій, кончилась преждевременною его смертію 10 мая 1866 г. (по н. ст.).

Жена его и четверо малолѣтнихъ дѣтей остались безъ всякихъ средствъ. Львовскій магистратъ отпустилъ имъ изъ своихъ суммъ сто гульденовъ (!) вспомошествованія. Одинъ сынъ его, крещенный лютераниномъ, заболѣлъ и скоро умеръ. Родившуюся послѣ этого, еще за жизни отца, дочь мать не дозволила крестить въ лютеранство и ее крестилъ униатскій священникъ городской церкви Лозинскій. Когда Вагилевичъ былъ боленъ и я посѣтилъ больного, жена его просила меня, чтобы я уговорилъ его возвратиться къ отцевской религіи. Ей было-бы отраднѣе, еслибы онъ умеръ не въ иновѣрчествѣ, и она съ дѣтьми имѣла-бы надежду получить пенсію изъ духовнаго вдовьяго фонда. И вопель къ исхудалому, блѣдному, съ запавшими глазами страдальцу, сталъ его утѣшать, вспоминая наши молодые годы, наши надежды... Вагилевичъ слушалъ съ уми-

леніємъ, но послѣ, махнувъ рукою, проговорилъ: „все прошло, пропало!... тецерь нужно готовиться туда“... и поднялъ немного правую руку. Я началъ убѣдительно уговаривать его возвратиться къ русской вѣрѣ; „ты жилъ, говорю, русскимъ, трудился и страдалъ за Русь, такъ и умирай-же русскимъ“. Вагилевичъ слушалъ меня съ сочувствіемъ и видно было, что онъ готовъ послушаться. На бѣду пришелъ полякъ Хондзынскій, какъ чортъ за грѣшной душой. Я объяснилъ ему, что я стараюсь склонить больнаго къ прежней родной вѣрѣ и хочу пригласить русскаго священника для исповѣди. Ляхъ пробормоталъ подъ носъ:

— Если такъ, то лучше призвать католическаго ксендза; я самъ пойду сейчасъ за нимъ.

— Не хочу, не хочу, не нужно,—нетерпѣливо замахалъ рукою умирающій: ни за что не хочу.

— Если такъ, сказалъ Хондзынскій, то за чѣмъ тревожить больнаго? пусть останется, чѣмъ есть.

— Я подумаю, сказалъ Вагилевичъ, оставьте меня въ покоѣ.

— Я передалъ жещѣ, что Вагилевичъ склоненъ возвратиться къ своей вѣрѣ, совѣтуя послать за священникомъ. Но къ вечеру больной потерялъ сознаніе и на другой день умеръ.

На его похороны собралось множество народа. Были поляки, были и русскіе. Пришелъ пасторъ въ своей черной блузѣ, процѣлъ или прочелъ нѣсколько словъ по нѣмецки; молча, вынесли его гробъ и положили на дроги, молча, повезли на кладбище. День былъ теплый, веселій. Пошли толки о томъ, что хоронятъ русскаго ксендза, который *присталъ на лютра*. „Небывалыя вещи! говорили, покачивая головами, наши бабкѣ; слышанное дѣло! просто, свѣта преставленіе. Когда-бы онъ не сталъ лютромъ, не такіе-бы ему похороны справили. Весь соборъ выступилъ-бы въ ризахъ, а алюмны (семинаристы) заплали-бы такъ, что весь міръ расплакался-бы. Что и говорить! какъ-бы заплали ему: „Вѣчная память“, то дупечки въ раю возрадовались-бы. А то совсѣмъ небывальщина какая-то, нѣмецкіе похороны: хейлыкъ, да хейлыкъ¹⁾; мы знаемъ, что всѣмъ лютрамъ хейлыкъ, и ему грѣшному хейлыкъ!“

¹⁾ Нѣмцы поютъ псалмы: *Heilig, heilig*; отсюда у народа взялось слово *хейлыкъ*, т. е. кануть, конецъ, гибель.

Въ 1870-хъ годахъ, когда львовская городская дума занялась переименованіемъ улицъ на народныя польскія и исчерпала весь запасъ знаменитыхъ Коперниковъ, Мицкевичей, Косцюлковъ, Снядецкихъ и т. п., кто-то вспомнилъ о покойномъ и дума согласилась почтить его память, переименовавъ въ глухомъ предмѣстьѣ Горшечный переулокъ въ переулокъ Вагилевича. Вотъ и вся память объ немъ.

Et sic transit gloria mundi!

Я. Г.